

УДК 070

**СТАТЬЯ «О ЧАЕ» (1732 г.) КАК НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ МЕДИАТЕКСТ
XVIII ВЕКА: ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ¹⁹****ARTICLE "ABOUT TEA" (1732) AS A SCIENTIFIC POPULAR MEDIA TEXT OF THE
XVIIIth CENTURY: LINGUOSTYLISTIC FEATURES****А.А. Малышев
A.A. Malyshev***Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7**Saint-Petersburg State University,
7, Universitetskaya embankment, 199034, Saint-Petersburg, Russia**E-mail: malyshev.alexander@mail.ru*

Аннотация. В первой половине XVIII века потребление чая становится важной составной частью русского пищевого кода. В статье рассматриваются основные лингвостилистические особенности научно-популярной статьи «О чае» (1732 г.), в которой читателю в увлекательной форме изложения сообщались сведения об истории и традициях чаепития в европейском и мировом культурном контексте.

Abstract. In the first half of the XVIIIth century the consumption of tea becomes an important compound of the Russian food code. The article is devoted to the consideration of the main linguostylistic features of the popular scientific article "About the Tea" (1732) where the information about the history and traditions of tea drinking in the European and world cultural context was reported to the reader in a fascinating form of a statement.

Ключевые слова: медиалингвистика, историческая стилистика, культурно-просветительский медиадискурс.

Keywords: media linguistics, historical stylistics, cultural and educational media discourse.

К середине XVIII века в России в целом складывается основа культуры потребления чая (об этом см., например, в исследовании В. В. Похлебкина²⁰). Чай, в XVII веке пройдя путь от дипломатического подарка через полULEкарственное достояние придворной жизни до неизменного элемента меню различных слоев общества, все чаще упоминается в XVIII веке в текстах художественных произведений, торговых документах и частных бумагах. Определенную роль в данном случае, конечно, сыграла мода на чаепития, возникшая при дворе и при содействии шумных петровских ассамблей быстро распространившаяся в обществе (на особую роль моды в формировании лингвокультурного облика эпохи указывал В. В. Виноградов²¹). Как отмечает К. А. Богданов, «для XVIII века – как, впрочем, и для любой другой эпохи – инокультурные заимствования, сопутствовавшие идеологическим, административным, экономическим преобразованиям, также были важны не только сами по себе, но и как маркеры символического порядка, результирующего и/или предвосхищающего обновления в коллективном умонастроении и социальном поведении»²².

В этой связи чай как окончательно утвердившийся в России напиток требовал определенного осмысления: как словарь с известной естественной задержкой фиксирует слово в определенном значении, так и культурный феномен с течением времени требует текстового обобщения имеющих о нем знаний, фиксирующего его место в жизни социума. В 1732 г. в немецко-русском научно-популярном академическом журнале «Примечания к Ведомостям»

¹⁹ Исследование осуществлено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-34-01028 «Культурно-просветительский журналистский дискурс: ценности, коммуникативные интенции и речевые жанры».

²⁰ Похлебкин В. В. Чай: Его типы, свойства и употребление. М., 2001.

²¹ Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX веков. М., 1982. С. 68.

²² Богданов К. А. О крокодилах в России. Очерки из истории заимствований и экзотизмов. М., 2006. С. 50.

появилась статья «О чае»²³, в которой была предпринята попытка осмыслить историю чая как напиток и представить его историческое описание.

Статья начинается с типичного для «Примечаний» предуведомления о причинах ее написания: внешним информационным поводом послужило повышение в Лондоне цен на разные сорта чая. Вполне традиционным является и сообщение этимологии слова чай: *Имя Thee, или Чаи, есть Китайское, но оно особливого знака в Китайском языке не имеет<...>У Японцов чаи называется Tsjaa, от чего Руское слово Чаи без сомнения происходит*²⁴. Историческая принадлежность чая к китайской (в первую очередь) и японской культурам подчеркивается автором статьи с помощью модальных частиц и качественных прилагательных: *В сих только обеих землях, в Китае и Японе, прямои чаи родится; Достовернейшия известия получены были, что чаи особливое Китайское и Японское зелие есть*²⁵. Аналогичное мнение встречаем в комментарии к сатире «На зависть и гордость дворян злонравных» Антиоха Кантемира: *Всем известно же, что личший чай (пахучий и вкусный листок древа так называемаго) приходит из Китая*. В середине века в журнале «Ежемесячные сочинения» (1755 г.) вновь акцентируется китайское происхождение чая: *Питие Китайской травы (чая) услаждается соком из тростки, которая растет в Индии*, о «китайской траве» говорится и в 1789 г. в журнале «Пересмешник» (ср. современное понимание черного чая как преимущественно индийского продукта, связанное с сокращением доли Китая в мировом экспорте чая).

Отметим при этом, что сам автор неоднократно определяет себя как европейца (в наших Европейских странах; мы Европейцы от чая еще ни когда так здорового действия как Китаицы не познали; в Европе такой же силы от него не чувствуют. Но причина того есть сия, первое что к нам только самой последний чай приходит), что неудивительно, поскольку авторами статей в «Примечаниях» были сотрудники Академии наук, прибывшие из Европы. В то же время использование притяжательного местоимения наших и личного местоимения мы при переводе позволяло европеизировать и русских читателей, тем самым приобщив их к европейской, т.е. обладавшей большим статусом чайной культуре (ср. в журнале «Иппокрена» в 1799 г., когда пищевой код российского общества был уже немыслим без чая²⁶: *Вычислено, что в Великобритании больше пьют чаю, нежели во всей Европе, и на него там такой расход, что считают употребление его столь же нужным, как и самый хлеб*).

Обратим внимание на подробное описание внешнего вида чайного дерева: *Оно футов на шесть вышиною растет, корень имеет черный дереву подобный, разделяется на разные ветви, корку имеет сухую, тонкую и темнокаштановаго цвета. Деревцо у онаго есть твердое, листья вишневному подобному, а цвет диким розенам. На оном цвету родится великое множество плода, который от болюшю части из трех вместе срастшихся ягод состоит, величину против диких слив, а внутри одно зерно с семенем имеющих*²⁷. По мнению З. М. Петровой, в русской ботанической науке подобная детализация обыкновенно обусловлена желанием автора дать максимально точное описание растения, вызвать в сознании читателя наглядный образ²⁸. В данном случае отметим не только формальные указания на общие признаки (высота, цвет, свойства коры, строение плода), но и сравнения – как прямые (*дереву подобный, листья вишневному подобно, величина против диких слив, цвет<подобен>диким розенам*), так и косвенные (*коркатемнокаштановаго цвета*). В то же время чай неоднократно определяется автором статьи как *зелье*: в данном случае за этим словом стоит не вредящий жизни отвар, а понимание чая как травянистого растения или его листьев как травы.

Затем читателю предлагается описание ухода за чайными плантациями и технологии обработки собранного чая. С помощью системы словосочетаний с наречиями, качественными и относительными прилагательными, модальных частиц, однородных членов и отрицаний автор обращает особое внимание на тот факт, что в Китае это стало отдельной и трудоемкой профессией: *Употребляются к тому некоторые люди, которые особливое собрание своего ремесла между собою сочиняют. Они должны при сеи их работе зело скоро и проворно поступать, такожде и к тому подлинное искусство требуется, что листики один к дригомибережно обшпывать<...>Не всяк оное разумеет, или по последней мере не все к тому потребныя орудия имеет <...> Сидит один человек поджавши ноги, которой сушоные листочки, лишь только они с печи соидут, лодонью по тихоньку катает<...>листки с большею осторожностью*

²³ Примечания к Ведомостям. СПб., 1732. С. 165-180.

²⁴ Примечания, с. 166. Здесь и далее цитаты приводятся в упрощенной орфографии с сохранением правописания оригинала.

²⁵ Примечания, с. 166, 168.

²⁶ Так, например, в «Словаре языка Пушкина» слово чай встречается 48 раз, тогда как кофе (вместе с вариантом кофи/ей) – всего 18. Схожее соотношение наблюдается в языке Фонвизина, Крылова и др. авторов рубежа веков.

²⁷ Примечания, с. 168.

²⁸ Петрова З. М. Язык русской ботанической науки XVIII века // Очерки по исторической лексикологии русского языка. Памяти Ю. С. Сорокина. СПб., 1999. С. 50.

перемещиваются <...>Деревенские люди делают сие кратчайшим способом без всякаго дальнаго искусства <...>Приготовление чайных листиков очюнь скично и тридно и т. п.²⁹

Противопоставление профессионального и народного способа обработки чайных листьев органично влечет за собой противопоставление разных родов чая в зависимости от качества листьев, времени года сбора, сортов, способа приготовления собственно чая и т. д. Среди прочего обращает на себя внимание сообщение цены за чай под названием Кеизер-Те (букв. нем. «императорский чай»): *Всякая такая чашка по одному Итзебо продается, что есть Японская четверугольная золотая монета, ценою рубли в полтретья. Сеи род чая, ради его драгости, употребляется только при дворе³⁰*. Сопоставление японской и русской стоимости позволяло читателю судить об элитности данного чая – для сравнения отметим, что за такую цену (2,5 рубля) в конце века в Москве можно было купить пуд хорошего черного чая («Мос. ведомости», 1795, № 2). Зеленый же чай, считающийся в наше время качественно лучшим по сравнению с черным, *есть без сомнения из последняго и самаго худшаго рода, которои в своей земле только от самых подлых людей употребляется³¹*– здесь обратим внимание на двойное употребление превосходной степени качественных прилагательных, за счет чего зеленый чай низводится до уровня практически непотребного напитка.

Противопоставляются и способы приготовления чая: если обычно чайные листья настаивают на горячей воде, то японские «великие господа» пьют тщательно перемолотый и перемешанный в воде специальной ложечкой чай с пенкой, простолюдины же самым грубым образом варят листья в кипящей воде. Наконец, речь заходит и о выработке в Японии особых правил приличия и манер во время чайной церемонии, обучение которым подобно обучению европейской молодежи танцам и умению правильно есть.

Читателя, конечно, интересовал и производимый чаем физический эффект, т.е. влияние чая на самочувствие. Автор статьи является сторонником чаепитий и неоднократно упоминает о благотворном воздействии чая. Так, выступающий в качестве прецедентной личности легендарный принц Дарма, из ресниц которого выросли первые чайные кусты, попробовал их на вкус и почти сразу *почувствовал в себе особливую бодрость и радость и его душа новию силу получила³²*. В то же время автор предостерегает читателей от употребления свежесобранных листьев: *Пока листики еще свежи и зелены, то они имеют в себе наркотическую, сонливую и так крепкую силу, от которой голова тот час закружится³³*. Положительные свойства чая подчеркиваются с помощью введения в текст медицинской терминологии: *Он все запоры в человеческом теле утоляет, кровь чистит, и вредныя материи, от которых камень, колотье, подагра, и сим подобныя раждаться могут, отводит³⁴*. Кроме того, чай входит в состав своеобразной чайно-мясной «диеты», способствующей укреплению организма: *Частое и многое его питие человеческое тело так же изнуряет, как чрезмерное употребление жирнаго кушанья, а особливо свинины, великим питанием много вреда учинить может. А когда обое сие вместе употребляется, тогда одно излишеству другаго препятствует; от чего делается, что Китаицы при многом употреблении свиного мяса и чая не только не немощны, но еще и очюнь здоровы находят³⁵*. В текстах XVIII века мы обнаружим значительное количество примеров и советов употребления в лечебных целях как собственно чая различной концентрации³⁶, так и отваров на его основе (ромашковый чай, чай с мятой, с лимоном и др.) или же приготовляемых по схожему принципу травяных сборов.

Статья заканчивается практически открытым призывом пить чай, основанном на цитатах из сочинений европейских авторов, причем делается это в характерной для «Примечаний» манере утверждения на основании отрицания (декларирование отказа от чего-либо с подробным перечислением, от чего именно отказываются): *Понеже мы при сем случае чаи защищать должности не имеем: того ради мы везде от оных великих титулов воздержались, которые чаю обыкновенно придаются <...>как Доктор Валдимит в известии о чае оной следующими шарлатанскими похвалами возносит: <...>Питие чаи госпожи, чтоб вы прежде времени не состарелись. Питие чаи вы господа Политики, о отечестве добре советующие. Питие чаи вы духовные особы, тело проповедями утруждающе. Питие чаи господа Офицеры, понеже вы не*

²⁹ Примечания, с. 170-172.

³⁰ Примечания, с. 173.

³¹ Примечания, с. 174.

³² Примечания, с. 167.

³³ Примечания, с. 170. Слово *наркотический* 'дурманящий, вызывающий сонливость', очевидно, впервые встречается в русском языке именно в этой статье как транслитерация нем. *narcotisch*, употребленного в немецком тексте «Примечаний».

³⁴ Примечания, с. 175.

³⁵ Примечания, с. 176.

³⁶ Автор рассматриваемой статьи считает, что крепким желудкам северных народов требуется насыщенный чай, тогда как слабому пищеварению азиатских народов вполне достаточно чая легкой и средней заварки. Позже

*знаете в которой час неприятель придет. Пьите чаи господы Докторы и пр. Пьите чаи вы господы Философы и пр. и пр.*³⁷В данном случае устроенные по принципу синтаксического параллелизма восклицания Вальдшмидта хотя формально и признаются *шарлатанскими*, но все же приводятся. Для соблюдения умеренности при приобщении к потреблению чая приводится рассуждение Розена Лентиля о чрезмерных тратах немцев на чай и сахар и бездумном следовании моде на китайские чайные сервизы и прочие элементы декора чайной церемонии (принцип противовеса).

В статье «О чае» впервые в отечественной научно-популярной журналистике было дано описание чая как растения и напитка. Общая установка автора статьи на информирование читателя органично сочетается с рассыпанными по тексту статьи более или менее явными рекомендациями стать потребителем чая. Самые общие сведения о чае, его происхождении и приготовлении читатели, конечно, получали из своего обиходного опыта, в статье же, с помощью различных стилистических приемов, им предлагалось увлекательное чтение, повышающее общий культурный уровень и привносящее нечто новое в уже сформированное отношение к чаю.

Кроме того, нельзя не отметить произошедшую лингвокультурологическую трансформацию отдельных аспектов восприятия чая в России: как его происхождения (от сугубо китайской традиции выращивания, позже объединенной с японской, к преимущественно индийской в советское и постсоветское время), так и самой традиции чаепития как приятного времяпрепровождения (зеленый чай, прежде считавшийся атрибутом бедняков, к XXI в. переосмысливается в качестве изысканного и полезного напитка, свидетельствующего об утонченности вкуса пьющего).

³⁷ Примечания, с. 178-179.